

Николай Лукин никогда не считал себя правильным человеком. Он даже хорошим мог назвать себя с трудом по собственным меркам. Остальным казалось наоборот, но Ник всегда называл себя обманщиком. Он мог в любой момент вытащить туз из рукава и начать шантажировать человека, чтобы получить желаемое, мог резко подменить бланки с ответами, вписав свое имя, мог уговорить бугаев не бить ботаника, а потом помочь организовать темную, а во время драки не постеснялся бы ударить по яйцам или взорвать под ухом противника наполненный воздухом пакет, или даже ударить в спину нежеланному союзнику. Что уж говорить о побеге и дымовой пашке во внутреннем кармане куртки. Так, на всякий случай. Фейерверки возле школы? Без проблем! Облапошить невнимательного продавца? Легко. Нужна помощь в спектакле для надоедливой девушки? Не вопрос, дай денег на реквизит, и Лукин поможет.

Обман, заговор, пускание пыли в глаза, актерская игра, отвлекающие маневры и неожиданный финал. Небольшой филиал хаоса.

Ему это нравилось. К этому у Ника лежала душа и даже был талант. Стефани была права, когда назвала своего бывшего парня фокусником – он им и был. Возможно даже его воссоединение и распадение старых чувств со Стрэндж был в некотором роде фокусом. Трюк чтобы отвлечь внимание, еще один трюк чтобы о фокусе узнали, как можно больше людей, и наконец момент самого действия. Громкое и иногда совсем уж глупое, но вызывающее. Но каждый раз Лукин чувствовал, что этого недостаточно, что это совсем не то что ему нужно и он попросту разбазаривает энергию. И он начал писать, стремясь выдоить из себя больше в куда более спокойном, продуктивном, всеобъемлющем занятии.

Может потому что Николай так себя принижал ему еще тогда и запала в душу Стефания Стрэндж. Небольшой разговор с принявшей на грудь девушкой очень скоро убедил только два с половиной года как переехавшего Ника в том, что искренне желание помогать просто струящееся из девушки, ее открытость и чувство юмора – это именно тот бальзам что нужен был ему, чтобы сгладить ощущения от мерзости к самому себе. Преувеличенной, конечно. Но Стеф была именно тем светом, в котором Ник хотел нежиться.

Многое случилось после, как плохое, так и хорошее. Все парень принимал как урок, как опыт, который будет важен ему. Он продолжал писать, пока не оказался в коме. И не оказался в мире совсем отличном о том, каким он должен быть в понимании простого человека, пусть и со своими странностями.

Это место преследует его даже после того, как Древняя сняла с души Ника клеймо владельца потустороннего измерения. Измерения Кошмара и его одноименного хозяина. Помогла вернуть нормальный сон, но точно не смириться с воспоминаниями об увиденном и пережитом.

Мир Кошмара напоминал смешавшиеся порождения художников из жанра абстракционизма и психоделизма, грубо спаянного и сшитого черными, толстыми нитками с самым худшим

кошмаром того, кто заточен в нем. Мучение день за днем накатывало на человека, превращая его мир и жизнь в бесконечный кошмар, как бы глупо это не звучало. Самый худший кошмар какой человек мог испытать, выкачивая из него все новые и новые крупинки страха и ужаса. Этот мир гниет и процветает одновременно, он порождает и разрушает образы чудовищ и вещей, столь мерзких и притягательных, что разум сам не знает, как к чему относится и лишь беспомощно бьется в панике. И кошмарный владыка этого места, Повелитель Страху Кошмар, испытывает истинное удовольствие лично приходить к своему пленнику и мучать его, растягивая одну секунду до нескольких часов, показывая самое худшее что может представить из-за своего незнания или страха человек.

Кошмар лично приходил к Нику, чтобы пытать его. Ужасы, которые он показывал ему были материальны, они чувствовались и рвали душу парня на части, причиняя ему боль и уничтожая личность. Но пусть Кошмар и был великолепным палачом и мастером пыток, он был в то же время и увлекающейся личностью, которая вскоре доводил жертвы до состояния такой апатии, что те теряли даже страх. Теряли то единственное что было от них нужно властителю измерения.

Может именно поэтому он так часто заглядывал к Нику? Заглядывал к человеку, что казалось вечность переживает свои страхи по несколько раз, впитывая их как губка, страдая и начиная по новой. Но не сходя с ума, оставаясь пусть и разбитым, но вполне себе полезным и рабочим. Любимая игрушка так сказать. Кошмар даже иногда навещал Николая лично, и тогда для парня начинался настоящий Ад – за ним гнались уродливейшие, мерзейшие существа, исходящие слизью, гноем, потом, слюной, гнилью, болотной тиной и всем разом, передвигая двумя, тремя, сотнями конечностей кривых и аморфных, склизких и похожих на крылья и жучиные ноги, смешавшихся в одну большую мерзкую массу, пока сам парень выл и кричал, гния заживо, испытывая боль от просто дыхания и бега, разрываясь на части и завывая. Взвзвывая из ниоткуда паутина оборачивалась вокруг его конечностей, сжигая словно кислота. А потом его подвешивали черти всех мастей, распинали на крюках и дыбе, переворачивали в цепях вверх ногами. Лупили и резали, протыкая и насильно раскрыв глаза показывали, как пытают уже других людей. Его метало по космосу, жгло Солнцем и огнем, топило в воде, показывало, как топят его родных и друзей. Его заставляли идти по пустыне и пустым городам, мучаясь от жажды и голода с одиночеством. Пока ветер заживо соскабливал с него кожу и мясо, оставляя продолжающий брести скелет, пока сверху сыпались ножи и били молнии. Это пространство бредило каждую рану в душе.

Ник молил о смерти. Молил о забвении, умолял и Бога и Дьявола о том, чтобы его разум наконец опустел и он превратился в овощ. Отчаянно плакал навзрыд, даваясь слезами и соплями с кровью и зубами, ползал по земле и потолку, падал на колени и живот, бился головой о поверхность, складывал руки во всех возможных молитвенных жестах, просил всех кого можно. Даже Кошмара он умолял о том, чтобы тот забрал себе весь его страх и дал ему наконец спокойно отключиться от надоевшего мира, но хозяин измерения либо слишком наслаждался их «свиданиями», либо был не в силах разом сломать человека.

Время потеряло свою значимость. День мог растянуться на два, а секунда на год, как год мог откатиться назад или смяться как листок бумаги в кулаки до одного мира, разрывая голову Лукина сотнями образов и прожитых жизней. Кошмар не останавливался, он показывал другие миры, рассказывал самые мерзкие и ужасные истории, сопровождая их проекциями. Ник закрывал глаза и тогда он получил отрезанные век. В ужасе и омерзении Лукин выдавил себе

глазные яблоки, но смеясь Кошмар начал проецировать все прямо в мозг Ника, а когда это ему надоедало он просто отрастил ему новые глаза. По всему телу и создал сотни экранов вокруг, заставляя смотреть на сотни агонизирующих миров и тысячи тысяч жизней... не давая и шанса на спасение.

Забавно, что именно запертый в этом месте, испытывая боль всех мастей, страдая от разрушающегося разума, вновь собирающегося воедино, не видя ничего четкого и постоянного Николай... начал испытывать правильность. Это безумие что творилось вокруг него начало казаться чем-то обыденным и даже родным, тем по чему он соскучился и испытывает лишь чувство ностальгии. И он начал вспоминать. Неясные образы, мутные как давно не чищенное столовое серебро и вязкие как смола. Потом появились лица, слова на странных языках, голоса громкие как трубный рев в закрытой комнате, мириады книг и смех. И стоило ведь только подойти к разгадке, стоило только оказаться на пороге и увидеть белоснежный свет, бьющий в глаза и дарящий еще больше знакомых ощущений, как внезапно кома кончилась.

Ник проснулся в больнице, на кровати, ослабший, с капельницей, подключенный к аппаратам, бешено вращающий глазами и хрипло издающий нечленораздельные звуки. Его осмотрели и перевели в новую палату.

Очень скоро Лукин пошел на поправку. Быстрее чем от него могли ожидать, но не так скоро как ждал уже он сам. Он всегда останавливался быстро, быстро выздоравливал, заращивал ранки и синяки, а так же, очень редкие трещины и переломы кости, которые неизменно получал любой активный ребенок. А Николай всегда был даже чересчур активным и любознательным. Позже он научился сдерживаться...

Но все же, теперь даже эта обыденная деталь, с которой он уже свыкся не казалась ему чем-то нормальным. Даже в ней он углядел что-то другое. Намек на то что он пытался вспомнить в Царстве Кошмара.

Нога не зажила до самого конца и скорее всего никогда бы не зажила, благодаря раздробленным костям, порвавшим мышцы и связки, превратившись в простую опору. Но даже это не волновало Ника. Он просто смирился, решив, что и это может быть чем-то вполне возможным.

Лукин исчез из госпиталя и радиуса осмотра людей, ушел сначала в тень и начал путешествие по всем кто мог ему рассказать больше или даже помочь вспомнить. Он узнал из интернета и газет о людях которые тоже видели Кошмара и описывали все точно так же, как пережил это Ник. Тут-то ему и стало ясно, что обычная помощь тут бессильна. Бессильны доктора и гипнотизеры с психологами. И тогда он обратил внимание на шаманов, магов, чародеев, гадалок, ведунов. Среди них он даже более чем тщательно отбирал тех, что смогли бы ему помочь, но все стоящие либо затаились, либо были недоступны.

Один индейский шаман правда пытался помочь ему и Ник даже на миг ощутил что правда открывается ему, но уже через миг потомок коренных американцев сдался, пустив кровь носом. Один старик на Аляске почти сразу погнал его с порога, даже не выслушав, увещивая что он тут бессилен и ему следует искать помощь в другом месте.

Разочарованный Николай Лукин продолжил свои изыскания уже на другом континенте. Якутские шаманы помогли не сильнее предыдущих, хотя тройка проверенных и правда старались прийти хоть к какому-то результату, открыв очертания белой комнаты. В Китае монахи лишь кивали головами. Мантры и медитация были тут бессильны. И через Тибет Ник тоже прошел, но посвященные на горах лишь хватались за головы и тряслись в припадках, даже всем монастырем открывая лишь по кусочку мозаики и отказываясь помогать дальше. Безумный смех и огромная сила преследовали их. Лишь один отшельник открыл больше.

-Рано парень! – взвизгнул он неожиданно после часа транса возле Лукина и разразился безумным смехом, отдающимся эхом, отразившимся от эха. Таким потусторонним и ломанным, что казалось не способным существовать кроме как в бесконечной круговерти космоса, где его никто не слышит. – Это тело не выдержит и одного моего глазочка, выращенного на ресничке! Печаль! Хотелось бы сказать больше такому настойчивому говнюку, но чеши отсюда! Рано!

С того момента чахлый старик не сказал ни слова, лишь безмолвной тенью спустился в деревню под горой. И Ник продолжил свой путь. Он прошелся по многим закоулкам России, но везде было одно и то же – никто не мог ему помочь, а самостоятельное изучение не приносило никаких результатов кроме странных ощущений где-то чуть выше пупка. Так продолжалось пока Лукин не оказался в Сибири.

Самое банальное место, в котором по итогу оказываются все такие же жалкие засранцы, ищущие чего-то эфемерного, незримого и непонятного, прямо как он. Так он считал.

Валентин Куунга стал тем, кто окончательно сломил уже начавшую просачиваться словно худая пленка завесу, вставшую между Николаем и его воспоминаниями и истинными ощущениями, к которым он так стремился. И после двухчасового ритуала, сопровождаемого светом мистических рун, сжиганием пахучих трав, вызывающих странное покалывание в голове и завихрения вокруг, после казалось бесконечного шума барабана и бубна, по которым старик, смешавший в себе черты сразу нескольких народов умудрялся бить в равном ритме. Только тогда, в темной юрте, освещенной лишь судорожно дрожащим костром и свечами, в окружении водоворотов сизого, дурманящего тумана и сдавливаемый сотней звуков, изрисованный кровью волка (которого зарезали прямо у него на глазах), Николай и открыл свое «третье око».

Мир стал другим. Не совсем уж сильно изменился. Но сильно.

На миг он увидел десятки и сотни сущностей, что облепили мир вокруг. Они сидели на полу и стенах, свисали с потолка, ползали друг по другу и ящикам с матрасами, ныряли через изгибистые, размашистые рисунки кровью, на предплечьях и груди Ника. На самом деле Лукин понял почти сразу, что их не так уж и много, по крайней мере больших, – большая часть была настолько мала, что не вызвала никаких опасений. В целом это напоминало разноцветный, разнобокий зоопарк или цирк уродов с мутировавшими зверями и рыбами со дна Марианской Впадины в качестве основного номера на выступлении. И всех их давил когтистыми лапами и рвал клыками призрачный, синевато-сизый волк.

Но даже не эти видения сокрытого от обычных глаз были важны. Воспоминания вылезли

наружу, словно прорвавшаяся канализация и разум Ника просто агонизировал под потоком свалившейся на него информации. Сенсорный шок усиленный в несколько раз сковал его цепями растерянности и страха, с полнотой ощущений, навалившихся избытком ощущений через глаза, уши и нос.

Белая комната.

Белая комната и скалящееся бледное лицо с десятками клыков, острыми и треугольными словно у акулы. Всегда все начинается с этой проклятой белой комнаты и ее обитателя – Безумного Бога, изгнанного в заточение другими Древними. Но какое Ему до этого дело? Ведь никто не может сдерживать бушующий Хаос, воплощением которого и был Изагай. У него были сотни имен, но всегда он радостно принимал любое, даже самое отвратное.

Всегда все начинается с Белой комнаты и Изгоя. По крайней мере в жизни Николая. В воспоминания он помнил, что раньше являлся слугой внука или правнука Бледного Императора, но потом взгляд безумца, опустившегося до уровня людей и сошедшего с ума, обратился к спокойно выполнявшему свою работу Нику и спокойные деньки кончились. Парень вспоминал десятки и сотни событий, две с лишним жизни, прожитые одним из подчиненных, Апостолов, Повелителя Монстров. Служба вознаграждается и забавы ради Изгой отправил парня сюда, в это место, лишив воспоминаний о прошлых жизнях. Но энергия хаоса начала выделяться, божественная сущность проявилась и исторглась в мир, порождая цепь событий, которые по мнению заклатья должны были привести к воссоединению памяти и их владельца.

На Древних не злятся. Им не завидуют. Особенно Изгою. Он творит безумства, но за каждое безумство он платит сполна, а потом и плата обращается проклятием, а потом Бог платит и за это, и возникает замкнутые на веки круг, пока Апостол сам не сможет разорвать его, влившись в ритм Хаоса, став частью движения. А между апостольством этому Древнему и безумством нет никакой разницы и вот идея пожевать хвост гниющего драко-лича, изрыгающего пространственные разломы – не кажется тебе такой уж глупой и самоубийственной идеей, а монстр вполне кажется вкусным и запах его скорее напоминает знаменитое черное рагу из темного мира Халькрахт.

Ник знал это ощущение – доводилось видеть и даже ощущать на себе влияние одного из потомков Великого Греха Обжорства – одного из семи шедевров Изгоя, превратившихся в богов, заполучивших себе по собственному домену и наплодивших себе потомков.

Но вот мысли наконец стали на свои места. Ощущения правильности и принятия уже не казались глупые и импульсивными – мир просто движется и Ник двигался следом. Боль в ноге прошла, пусть и осталась хромота, но зато появилось знакомое, тянущее чувство направления. Лукин помнил по прошлым жизням, еще до вечного мельтешения по заданиям Изгоя, что это чувство направления укажет ему место откуда следует начать. В разум ворвалась мысль. Впрочем это Ник изначально принял возникший перед глазами образ за размышление.

Это было видение. Он смотрел со стороны, наблюдая из редкой толпы, сбивающейся в потоки. Девушка с черными волосами, растрепанная и потерянная, она вошла в аэропорт, бегая

безжизненными глазами, глубоко засевшими на исхудавшем лице. Знакомом лице. Стефания Стрэндж, ее имя до сих пор вызывало отклик и вздохнув, Лукин понял, что от него требуется.

Конечно можно и проигнорировать, но зачем? Лучше двигаться по направлению, чем бесцельно бродить в ожидании изменения маршрута.

Ник вскочил, он давно не чувствовал себя так хорошо – все тело было полно энергии, порывало дернуться и начать делать дела, покалывало в голове, словно намекая что ее нужно срочно чем-то запомнить. Мир завертелся и стал понятным. Но что-то на секунду отвлекло Ника.

Юрта вокруг была пуста, костер потух, как и прогоревшие больше чем на половину свечи. Сизый туман испарился, а рисунков на теле как не бывало. Пропали и виденные всего мгновения духи и обитатели астрального плана. Зато вполне материальным был труп.

Валентин Куунга – могущественный шаман, добрый энергичный старик и просто хороший человек был мертв. Его тело, одетое в смесь нескольких национальных костюмов, распласталось на коврах и подушках в нелепой позе, раскрыв рот. Пальцы его скрючились, шея вытянулась, а вены стали черными с удивительно играющим отливом. Но его лицо было полно удовольствия и экстаза, отражая все благоговение, какое старый шаман испытал в миг прозрения Лукина, пусть все лицо Куунга и заливала засохшая кровь.

Николай понял, что своей просьбой он убил человека. Хорошего человека, вполне себе способного помочь с куда меньшими последствиями многим другим людям. Мог бы помочь, если бы не Ник со своей эгоистичной просьбой.

Но самое интересное было то, что Лукин понимал все это, осознавал и чувствовал сожаление скопившееся в груди вязким, мерзким комом. Он чувствовал, но не испытывал ничего по отношению к трупу рядом, кроме легкого интереса и понимания. Валентин просто оказался по случайности тем, кому довелось сломать последний замок и открыть Ящик Пандоры, запертый в голове у Ника и выпустить оттуда тварей в виде воспоминаний, мыслей, ощущений и желаний иномирца. Впрочем... Ник сейчас находился здесь, в этом мире и он вполне к нему привык, а потому это и его мир. Так решил для себя Ник.

Но все же Кууга был лишь случайной жертвой, что оказалась на Пути. К тому же Ник чувствовал, что это только начало для старого шамана – от окоченевшего тела, как и от следа исчезнувшей раньше положенного души, еще исходил запах знакомой силы, очень похожей на то как ощущается Изгой, но куда более разбавленная и измененная. Видимо Валентин приглянулся кому-то из Старших, раз его так резво умыкнули из мира.

Поднявшись, Лукин накинул одежду, взял сумку шамана, от взгляда на которую по его нервам и шестому чувству словно разряды проходили, взял несколько банок-склянок, кусочки травы, собрал уже свои вещи и вышел прочь. Кууга жил один, прямо в холодном сибирском лесу, в своей юрте, окруженный хлипким забором и густым лесом. К нему даже дорога как таковая не вела.

Ник вздохнул полной грудью, свежий морозный воздух наполнил легкие и оставил ощущения прохлады по всему своему пути. Шагнув по громко скрипнувшему снегу, Лукин двинулся прочь от места где он убил человека, просто случайно оказавшегося не там и спалившего свой разум последними крупницами могучей энергии, хлынувшей с печатей.

И он шел и шел, продолжая идти, пока не состоялась встреча с человеком, которого он искренне рад был видеть, с тем кто и привел его в это месте Камар-Тадж. Ведь что может быть лучше чем быть Апостолом? Верно! Быть Апостолом в бессрочном отпуске, без правил со стороны начальства, который владеет магией!

<http://tl.rulate.ru/book/69378/1845174>